

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Жан-Люк

Санта-Круз, 24 июня 1953 года

Жан-Люк подносит бритву к щеке, рассматривая свое отражение в зеркале ванной комнаты. Поначалу он не узнает себя. Остановившись с бритвой, застывшей в воздухе, он вглядывается в свои глаза, не понимая, в чем дело. Теперь в нем появилось что-то американское. Это заметно по его здоровому загару, белым зубам и чему-то еще — но он не может определить, чему именно. Может, дело в том, как уверенно он держит подбородок? Или в том, как улыбается? Так или иначе, ему это нравится. Американские черты — это хорошо.

Он возвращается обратно в спальню с обмотанным вокруг талии полотенцем. Какое-то темное пятно на лице привлекает его внимание. За окном он видит «Крайслер», который движется вверх по дороге и останавливается за дубом, прямо перед его домом. Странно. Кому надо приезжать сюда в семь утра? Погрузившись в свои мысли, он не сводит глаз с машины, но запах масла и теплых блинчиков, доносящийся снизу, зовет его завтракать.

Он входит на кухню и целует Шарлотту в щеку, треплет сына по волосам в знак приветствия. Бросает взгляд в окно и видит, что машина все еще там.

С водительского сиденья вылезает долговязый мужчина, вытянув шею, он оглядывается вокруг — прямо как пеликан, думает Жан-Люк.

С пассажирского сиденья выходит коренастый мужчина. Они направляются к дому.

Звонок в дверь нарушает утреннюю тишину. Шарлотта поднимает голову.

— Я открою.

Жан-Люк уже направляется к выходу. Снимает цепочку и открывает дверь.

— Мистер Боу-Чемпс? — спрашивает человек-пеликан без тени улыбки.

Жан-Люк рассматривает его: темно-синий костюм, белая рубашка и плоский галстук, высокомерный взгляд. Обычно он не обращает внимания, когда его фамилию произносят неправильно, но почему-то сегодня утром его это особенно задевает. Может потому, что на его пороге стоит какой-то мужчина.

— Бошам, — поправляет он. — Это французская фамилия.

— Мы знаем, что она французская. Но мы ведь в Америке.

Глаза человека-пеликана сужаются, когда он переступает порог в своих блестящих черных ботинках. Он заглядывает за плечо Жан-Люка, его шея хрустит, когда он поворачивается и наклоняет голову набок, чтобы посмотреть на навес, под которым припаркован их новенький «Нэш 600». Одна сторона его рта кривится.

— Я мистер Джексон, а это мистер Брэдли. Мистер Боу-Чемпс, мы хотели бы задать вам несколько вопросов.

— О чем? — спрашивает он, стараясь подчеркнуть свое удивление, но его голос звучит фальшиво — на октаву выше, чем нужно.

До входной двери доносятся стук тарелок, которые ставят на стол, легкий смех сына. Знакомые звуки отдаются эхом, и Жан-Люку они кажутся давно забытым сном. Он закрывает глаза, цепляясь за исчезающие очертания. Крик чайки возвращает его в настоящее. Сердце гулко бьется под ребрами, как пойманная в клетку птица.

Коренастый мужчина, Брэдди, наклоняется вперед и понижает голос:

— Вы ведь попали в окружную больницу шесть недель назад после автомобильной аварии? — Он вытягивает шею, словно надеясь таким образом собрать информацию о том, что происходит в этом доме.

— Да. — Пульс Жан-Люка становится чаще. — Меня сбила машина, она слишком резко выехала из-за угла. — Он замолкает, переводя дыхание. — Я потерял сознание. — Жан-Люку приходит на ум имя доктора — Висман. Он засыпал Жан-Люка вопросами, когда тот только начал приходить в себя, когда его сознание еще было затуманено.

— Как давно вы живете в Америке? — спросил он. — Откуда этот шрам у вас на лице? Вы родились всего с двумя пальцами на левой руке?

Брэдди кашляет.

— Мистер Боу-Чэмпс, мы хотели бы, чтобы вы проехали с нами в здание городского муниципалитета.

— Но зачем? — Его голос хрипит.

Они стоят так, будто держат его в осаде, заложив руки за спину и выпятив грудь вперед.

— Нам кажется, будет лучше обсудить это там, а не здесь, у вас пороге, на глазах у соседей.

Скрытая в этих словах угроза заставляет все внутри Жан-Люка сжаться в комок.

— Но что я сделал?

Брэдди поджимает губы.

— Это всего-навсего предварительное расследование. Мы могли бы обратиться за помощью в полицию, но на раннем этапе мы бы хотели... Мы хотим напрямую прояснить факты. Я уверен, вы все понимаете.

«Нет, не понимаю! — хочется кричать Жан-Люку. — Я не знаю, о чем вы говорите».

Но вместо этого он соглашается и тихо бормочет:

— Дайте мне десять минут.

Захлопнув дверь прямо перед их лицами, он возвращается на кухню.

Шарлотта кладет блинчик на тарелку.

— Это был почтальон? — спрашивает она, не поднимая глаз.

— Нет.

Она поворачивается к нему, хмурится, на лбу у нее залегает тонкая морщинка, ее глаза сверлят его.

— Два следователя... Они хотят, чтобы я поехал с ними и ответил на несколько вопросов.

— Насчет аварии?

Он отрицательно качает головой.

— Не знаю. Я не знаю, чего они хотят. Они не говорят.

— Не говорят? Но они должны. Нельзя же просто так просить тебя поехать с ними, не объяснив зачем.

Она бледнеет.

— Шарлотта, не волнуйся. Думаю, мне лучше сделать так, как они говорят. Понять, в чем дело. Это всего лишь допрос.

Их сын перестает жевать и смотрит на них, слегка нахмурившись.

— Я уверен, что скоро вернусь.

Голос Жан-Люка звучит фальшиво, как будто кто-то другой произносит эти слова утешения.

— Не могла бы ты позвонить в контору и сказать им, что я задержусь?

Он поворачивается к сыну:

— Хорошего дня в школе.

Все замирает. Будто затишье перед бурей. Мужчина быстро поворачивается и выходит из кухни. Непринужденно. Он должен вести себя непринужденно. Это всего лишь формальность. Что им вообще может быть нужно от него?

Десять минут. Ему не хочется, чтобы они снова звонили в дверь, поэтому он бежит в спальню, открывает ящик шкафа и смотрит на свои галстуки, которые свернулись в нем, как змеи. Достает синий в крошечную серую крапинку. Внешний вид очень важен в такой ситуации. Жан-Люк берет куртку и спускается с лестницы.

Шарлотта ждет его у входа на кухню, прикрыв рот рукой. Он убирает ее руку, целует холодные губы, смотрит в глаза. Затем кричит:

— Пока, сынок!

— Папочка, пока. Скоро увидимся!

— До встречи, крокодил.

Его голос дрожит, и ему снова не удается попасть в нужную октаву.

Жан-Люк чувствует, как Шарлотта смотрит ему в спину, пока он открывает входную дверь и следует за мужчинами к их черному «Крайслеру». Он делает глубокий вдох, набирая воздуха. Вспоминает, что слышал, как посреди ночи началась гроза; чувствует, что земля стала мягкой от воды, которая уже начинает испаряться. Скоро станет жарко и влажно.

Никто не произносит ни слова, пока они проезжают мимо знакомых домов с большими открытыми лужайками до самого тротуара, мимо газетных киосков, булочной, лавки с мороженым. Мимо жизни, которую он успел полюбить.

ГЛАВА 2

Шарлотта

Санта-Круз, 24 июня 1953 года

Я все еще смотрю в окно, хотя черная машина уже давно скрылась из виду. Время как будто замерло. Не хочу, чтобы оно двигалось вперед.

— Мам, кажется, пахнет горелым.

— *Merde!* — Я хватаю сковородку с плиты и бросаю почерневший блинчик в раковину. Мои глаза слезятся из-за дыма.

— Я приготовлю тебе другой.

— Не надо, спасибо, мама, я наелся.

Сэм спрыгивает со стула и выбегает из кухни.

Я осматриваюсь: остатки прерванного завтрака на столе вгоняют меня в панику. Но мне необходимо взять себя в руки. Я медленно поднимаюсь по ступеням и направляюсь в ванную. Умываюсь холодной водой, потом надеваю вчерашнее платье и спускаюсь вниз.

Сэм бежит вокруг меня, пока мы идем в школу.

— Мам, как ты думаешь, о чем эти мужчины будут спрашивать папу?

— Не знаю, Сэм.

— Что бы это могло быть?

— Я не знаю.

— Может быть, это связано с ограблением.

— Что?

— Или убийством!

— Сэм, замолчи.

Он тут же перестает прыгать и плетется, еле волоча ноги. Мне становится стыдно, но сейчас есть заботы поважнее.

Когда мы подходим к школе, остальные матери уже возвращаются домой.

— Привет, Чарли! Ты сегодня припозднилась. Забежишь на кофе чуть позже? — доносится голос Мардж из толпы.

— Конечно. — Мне приходится соврать.

Я оставляю Сэма и задерживаюсь у ворот, чтобы дать остальным уйти вперед. Когда вижу, что они уже достаточно отошли, то медленно бреду домой, одиночество постепенно поглощает меня. Так и подмывает присоединиться к ним за чашечкой кофе, но я знаю, что могу не удержаться и ляпнуть что-нибудь лишнее. Есть шанс, что никто не видел, как сегодня утром за Жан-Люком приехала машина, но если кто-то видел, у меня должна быть готовая история. Они захотят услышать все подробности. Да, лучше избегать любого контакта.

Дома я хожу из комнаты в комнату, взбиваю подушки на диване, мою посуду, оставшуюся после завтрака, перебираю журналы на кофейном столике. Напоминаю себе, что волноваться не о чем, это никому не поможет. В конце концов, его просто увезли на допрос. Нужно чем-то заняться, чтобы отвлечь себя. Я могла бы подстричь газон, чтобы Жан-Люку не пришлось этого делать.

Обуваю свои садовые ботинки и достаю газонокосилку из гаража. Я видела, как Жан-Люк дергает веревку сбоку, чтобы она включилась, поэтому тоже тяну за нее. Ничего не происходит. Я снова тяну, на этот раз внутри что-то поворачивается, но тут же останавлива-

ется. Теперь я дергаю сильнее и резче. И вот она уже несется вперед и тянет меня за собой. Ужасно пахнет бензином, хотя мне и нравится этот запах.

Ритм газонокосилки успокаивает, и мне жаль, что работа быстро заканчивается. Я убираю косилку и возвращаюсь в дом.

Возможно, гостиной не помешает уборка. Я достаю пылесос из-под лестницы и вспоминаю, что уже пылесосила вчера. Обессиленно падаю на пол, все еще сжимая толстую трубу от пылесоса в руке.

Прошлое наваливается на меня. Жан-Люк никогда не разрешает мне говорить об этом. В свойственной ему прагматичной манере он велел мне оставить прошлое позади, там, где ему и место. Как будто все так просто. Я пыталась, правда пыталась, но невозможно контролировать свои сны. Мне снятся моя мама, мой папа. Дом. Еще долго после пробуждения эти сны заставляют меня тосковать по семье, и это все омрачает. Я пыталась связаться с ними: однажды я написала родным, когда мы только обосновались здесь и нашли себе жилье. Мама написала в ответ короткое, отрывистое письмо, в котором говорилось, что папа еще не готов меня увидеть. Он еще не до конца меня простил.

Я возвращаюсь на кухню и выглядываю в окно, мечтая, чтобы Жан-Люк поскорее вернулся. Чтобы его отпустили с допроса, не обнаружив ничего подозрительного. Но я вижу лишь пустую улицу.

От звука мотора мой пульс учащается. Я наклоняюсь вперед, так, что мой нос почти прижимается к окну, всматриваюсь изо всех сил. Господи, пожалуйста, пусть это будет он.

Мое сердце уходит в пятки, когда я замечаю знакомую синюю шляпку, выплывающую из-за угла: это Мардж идет к своему дому. Она возится с сумками, полными

покупок, пока один из ее близнецов гоняется за другим около машины. Она смотрит в мою сторону. Я резко прячусь за кружевные занавески. Секреты и ложь. Что мы действительно знаем о жизни наших соседей?

Я совсем не хочу натолкнуться на кого-нибудь сегодня. Если хоть кто-то видел черную машину, то все матери уже в курсе. Так и вижу, как они выдвигают гипотезы, восторженно это обсуждают. Нет, мне надо скрыться, отдалиться. Я могла бы ездить за покупками в другой город, где точно никого не встречу; в какой-нибудь огромный многолюдный магазин, вроде одного из этих больших супермаркетов.

Я беру свою сумочку, снимаю ключи с крючка возле входной двери и забираюсь в машину быстрее, чем кто-либо может меня заметить. Я еду на север по прибрежной дороге с опущенными стеклами, и ветер развеивает мои волосы. Мне нравится быстрая езда, это дает ощущение свободы и независимости. Можно притвориться кем угодно.

Через полчаса я замечаю вывеску магазина «Лаки». Съехав с шоссе налево, следую указателям и вижу парковку, забитую фургонами. Передо мной бургерная и карусель. Сэму бы здесь очень понравилось, может, надо привезти его сюда в какую-нибудь субботу и провести здесь день. Обычно я стараюсь избегать таких больших супермаркетов, предпочитаю маленькие магазины рядом с домом, где могу попросить продавца фруктов дать мне самые свежие яблоки, а мясника — самый нежирный кусок. Они всегда стараются и выбирают лучший товар в благодарность за то, что мне не все равно.

Мне неуютно в гигантском магазине с этими бесконечными полками, переполненными яркими упаковками. Домохозяйки в пышных юбках, на высоких каблук-

ках и с накрученными волосами толкают огромные тележки, доверху забитые банками и консервами. Меня наполняет ностальгия, тоска по дому, по Парижу.

Курица, говорю я себе, вот что я приготовлю сегодня, курицу с лимоном. Это любимое блюдо Жан-Люка.

Две упаковки куриной грудки, пол-литра молока и четыре лимона выглядят потерянными и несчастными на дне продуктовой тележки, когда я подхожу к кассе. Мне неловко, но я так и не смогла сосредоточиться и понять, что еще нам понадобится на этой неделе.

Кассир странно на меня смотрит.

— Вам помочь упаковать, мэм?

Она что, издевается? Я отрицательно качаю головой.

— Нет, спасибо. Справлюсь.

Мой живот громко урчит, когда я убираю одинокий коричневый пакет в багажник. Забыла позавтракать. Может, мне стоит съесть бургер, но от одной этой мысли мне скручивает живот. Вместо этого еду домой и молюсь, чтобы Жан-Люк уже вернулся.

Я паркую машину на подъездной дорожке и бегу к входной двери. Она заперта. Значит, внутри его нет. И с чего я взяла, что он будет там? Все равно он бы сразу поехал на работу. Он наверняка волновался из-за того, что опоздал.

Уже три часа. Надо забирать Сэма через тридцать минут. Может, сегодня лучше прийти позже? Появись я рано, и мне придется обмениваться шутками с другими мамами. Сын мог бы дойти до дома сам — некоторые дети так и делают — но мне нравится забирать его, это моя любимая часть дня. Когда я была ребенком и жила в Париже, все мамы всегда приходили за своими детьми и приносили с собой багет с кусочками темного шоколада внутри. Ждать его в конце учебного дня — что-то вроде семейной традиции. Но сегодня,

в первый раз, я опоздаю на пять минут. Это значит, что мне надо как-то убить еще четверть часа.

Я кладу курицу в холодильник и мою руки, чищу ногти старой зубной щеткой с подоконника. В голове звучит голос моего отца: «Чистые ногти говорят о том, что человек умеет следить за собой, — так он говорил, когда видел, что у меня грязные ногти. — То же самое с обувью, — часто добавлял он, — ты можешь судить о человеке по его ногтям и его обуви».

Только не в Америке, сказала бы я ему сейчас, если бы увидела, в Америке тебя судят по волосам и по зубам.

Я убираю зубную щетку на место, смотрю в окно, особо ни на что не рассчитывая. На улице никого. Мой живот снова урчит. Голова кружится. Мне надо съесть что-то сладкое. Достая с верхней полки банку, заворачиваю в фольгу печенье для Сэма, а другое разламываю пополам для себя. Я откусываю кусочек, опасаясь, что желудок снова скрутит, но от печенья мне становится легче, и я съедаю и вторую половину.

Проходит двадцать минут. Я поднимаюсь наверх, в нашу спальню, и сажусь за туалетный столик. Достая из верхнего ящика расческу с натуральной щетиной и до блеска расчесываю волосы. Зеркало говорит мне, что я все еще привлекательная: ни морщин, ни седых волос, никакой обвисшей кожи. Снаружи все в полном порядке. Только моему сердцу как будто уже лет сто.

Я поднимаюсь и разглаживаю покрывало, сшитое Амишами в Пенсильвании: сотни идеальных шестиугольников соединены друг с другом вручную. Наша первая совместная поездка. Сэм только научился ходить, но еще некрепко стоял на ногах и иногда падал. Помню, как бежала перед ним, чтобы в случае чего поймать.

Осталось десять минут. Я спускаюсь вниз и снова брожу по комнатам. Наконец открываю входную дверь.

Яркий солнечный свет ослепляет, и я возвращаюсь за шляпкой. Пока я иду по садовой дорожке, чуть ли не впервые, задаюсь вопросом: почему американцы так любят оставлять двор открытым, не обносят его забором или кирпичной стеной? Кто угодно может подойти прямо к дому и заглянуть в окно. Это так сильно отличается от французских дворов, всегда окруженных высокой стеной или густыми кустами, которые как бы сообщают незваным гостям, что их здесь не ждут.

Жан-Люку нравится здешняя открытость. Он говорит, то, что произошло во Франции, здесь бы никогда не случилось, потому что здесь все честны друг с другом. Никто бы не сдал своего соседа и потом не побежал бы прятаться за закрытой дверью, пока того арестовывают. Мне не нравится, когда он так идеализирует свою новую родину. Не могу избавиться от ощущения, что это предательство по отношению к Франции. Годы голода, страха, лишений — эти вещи могут превратить хорошего человека в плохого.

— Чарли! — Мардж зовет меня со двора напротив, прерывая мои мысли. — Где ты была сегодня? Мы пили кофе у Дженни. Мы думали, ты придешь.

— Извините. — Мое сердце замирает, и я прикрываю рот тыльной стороной руки, чтобы скрыть ложь. — Мне нужно было съездить за покупками. Я ездила в «Лаки».

— Что? Ты поехала в такую даль? Мне казалось, ты ненавидишь эти гигантские супермаркеты. Надо было сказать. Я бы съездила с тобой.

— Извини, что пропустила кофе.

— Ничего. Мы собираемся у Джо в пятницу. Слушай, я хочу попросить у тебя кое о чем. Ты не могла бы забрать сегодня моего Джимми? Мне нужно отвезти Ноа к врачу. У него температура, и мне никак не удастся ее сбить.